

Только бы этот пухляк меня не обманул, — непрерывно молил про себя Ли Цзя. Словечки-то он уже выпалил, хвастовство грохотало громче землетрясения. Но сейчас некогда было морщиться из-за болтовни мелкого толстяка — пришлось смиренно расспрашивать его об общем положении дел в Синьясе. А толстяк и вправду неплохо изучил обстановку среди ведущих учебных заведений.

— Хоть Синьяс и числится в рядах шести главных военных академий, но уже столько лет сдает позиции, хотя вовсе не лишен шансов побороться за место под солнцем в межвузовских состязаниях. Вот только талантов маловато. А уж про нынешний набор вообще всякого понаслышку ходит, особенно о первой тройке на молодежном турнире мехов. Говорят, тут не обошлось без вмешательства крупных финансово-промышленных групп...

Стоило этому толстяку заговорить, как его уже было не остановить: он рассуждал обо всем на свете — от официальных новостей до уличных сплетен и текущей расстановки сил. Стоило Ли Цзя задать хоть один вопрос, как толстяк тут же выдавал целый шквал ответов, буквально на один вопрос отзываясь десятком.

Стоял разгар утра, желающих позаниматься не было, и в огромном зале координации физической подготовки находилась лишь эта парочка чудиков: толстяк и Ли Цзя. Ли Цзя тренировал координацию движений по картинкам, а компьютер подсказывал, насколько точно и похоже он воспроизводит позы; толстяк же с помощью тренажеров упражнял связки.

— Роси, как думаешь, с каким баллом в этом году будут принимать в военные академии? — проболтав добрую половину дня, Ли Цзя наконец задал самый главный вопрос.

— Названный тобой Синьяс, полагаю, потребует около шестисот пятидесяти, а на направление мехов — где-то от шестисот тридцати до шестисот десяти.

— Твою мать! Столько?! Я максимум двести набирал, где мне еще четыреста с лишним очков занимать? Ты же, сопляк, говорил, проходной балл небольшой!

От такого заявления Роси аж даром речи лишился. Хозяин двухсот с небольшим баллов изо дня в день орал, что поступает в военную академию?

— Да пошло оно всё, домой пойду!

Подхватив валявшуюся рядом одежду, Ли Цзя направился к выходу. Упавшее до точки замерзания настроение не позволяло ему обращать внимание на оклики толстяка. На самом деле тренировки ради победы над Ли Ле были лишь отговоркой; при свойственном Ли Цзя отношении к жизни по принципу «и так сойдет» укрепление физической формы должно было закончиться через три дня пылкого энтузиазма. Но когда Ли Цзя всерьез поверил, что еще сможет учиться в одной академии с Линь Сюэ, у него появилась движущая сила — без всякого надзора со стороны он сам прекрасно понял, что нужно делать.

Всю дорогу на душе у Ли Цзя было тошно до скрежета в зубах, хотя он никак не мог найти истинную причину для такой тоски.

— Ли Цзя, не расстраивайся, когда человек в депрессии, его организм вырабатывает токсины, а это вредно для нас обоих, — поразмыслив, добавил Ницше: — Возможно, еще есть шанс. Тесты после тебя заполняю ведь я, а не ты. Пожалуй, нашему общему уму это будет по плечу.

Эти слова заставили едва не угасшую душу Ли Цзя встрепенуться. С тех пор как появился Ницше, все дела Ли Цзя стали казаться ему по силам: стоило лишь завершить простую часть работы, а остальное перекладывать на Ницше. Способность принимать любую форму и к тому же делиться — бесспорно, величайшее подспорье в жизни. Так было в повседневности, так было в игре про мехи, так обстояло дело и на экзаменах.

Хм, шанс есть. Ни в чем другом он был не уверен, но феноменальная память Ницше неизменно вызывала у Ли Цзя искреннее восхищение. Такие качели от радости к тревоге и обратно выворачивали Ли Цзя душу наизнанку.

Надо выплеснуть эмоции. Найти бы сильного противника и сорвать злость — Ли Ле, давай-ка посмотрим, чего ты стоишь на самом деле!

— Ли Ле, сегодня я буду биться с тобой насмерть!

Ли Ле давным-давно привык к подобным вызовам со стороны Ли Цзя. С противником иной весовой категории ему было попросту неинтересно тягаться. Однако сегодня, похоже, выдался особый случай: Ли Ле выглядел на редкость оживленным, загадочно улыбнулся и пошло бросил:

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал — в этот раз я совсем не тот, что раньше.

Ли Цзя было плевать. После недавних тренировок его тело, пусть и не стало горой мышц, все же куда сильнее укрепилось по сравнению с прошлыми днями.

Ли Цзя первым вошел в игру. Ли Ле поднял лежавший рядом рюкзак, покачал головой и вздохнул про себя:

— Даже азы наблюдения не усвоил, как же я могу за него не переживать!

Нужно же было в конце концов хоть как-то отчитаться перед его родителями.

— Мелкий щенок, за драку со мной придется заплатить цену.

Получив это сообщение, Ли Цзя едва не задохнулся от презрения: мать твою, да они еще и на

деньги вздумали спорить в междусобойчике! Глядя на всплывшее приглашение сделать ставку, Ли Цзя стиснул зубы и поставил на кон все свои карманные расходы на полгода вперед.

— Ладно, есть порох в пороховницах, принимаю вызов!

Ли Цзя знал, что бой будет тяжелым, поэтому поинтересовался:

— Ницше, какой рельеф местности будет нам на руку?

— Для нас любая сложная местность превратится в зону засады Ли Ле. Поэтому выбирай самую простую и вдобавок ограничь оружие. Лучше всего — заставить его использовать только холодное оружие.

И впрямь, рукопашная схватка с холодным оружием — единственный способ дать Ли Цзя преимущество. Нельзя сказать, что у Ли Цзя плохая стрельба; напротив, его навыки как статической, так и динамической стрельбы были весьма выдающимися, и результаты в одиночной стрельбе превосходили даже показатели Ли Ле. Вот только техника уклонения хромала — общая беда подавляющего большинства игроков в баталии мехов.

На этот счет Ли Цзя специально консультировался с Ли Ле. Военные называют подобный навык уклонения от пуль «шестым чувством перед лицом смерти». Ветераны, прошедшие специальную подготовку или регулярно участвовавшие в реальных боях, изредка способны ощутить нечто подобное. Способность превратить это предчувствие в маневр уклонения отчасти объясняется жаждой жизни, а отчасти — уровнем природного таланта. В подобных же расслабленных виртуальных играх прочувствовать грядущую опасность попросту невозможно.

Гладиаторская арена — идеальный формат дуэли для Ли Цзя, где полностью запрещено любое энергострелковое оружие. Поле боя в стиле ретро-рукопашной — эта уловка Ницше была весьма коварной.

Ли Ле не заставил Ли Цзя долго ждать, оба один за другим появились на арене. На самом деле никто из них не подозревал, что эта схватка привлекла множество зрителей из сектора Плутона.

Однорукий Генерал, прозванный грозой новичков: новички, незнакомые с силой Ли Ле, то и дело проигрывали деньги, расплачиваясь за горький урок. В итоге дурная слава Однорукого Генерала гремела все громче и становилась все непригляднее. Обманутые им парни сбежались посмотреть бой, страстно желая, чтобы хоть какой-нибудь удалец растоптал этого однорукого монстра в лепёшку.

Бродяга, проигравший сотню битв подряд и всё равно не желающий сдаваться упрямец. После того как тот эффектно продемонстрировал прием «Павлиний экран», толпа игроков загорелась желанием испытать Ли Цзя. Сегодня удобного случая не представилось, так что пришлось ограничиться ролью зрителей.

Архитектурный стиль арены в точности повторял Колизей Древнего Рима, увеличенный ровно в десять раз. Редкие зрители на трибунах сосредоточенно наблюдали за двумя одинаковыми моделями мехов К-1. Чтобы их различать, броню меха Ли Цзя покрыли ярко-красными демоническими узорами, напоминавшими языки пламени.

Как правило, когда оба противника управляют одинаковыми мехами, исход решается огневой мощью. Но раз уж огневая мощи оказалась ограничена, оставалось полагаться исключительно на технику — в этом и заключался истинный смысл данного поединка.

Начали!

Однако никто из них не бросился вперед. По словам Ли Ле: «По тому, как ты переставляешь ноги, сразу видно твой уровень». Поэтому Ли Цзя решил: что бы ты ни делал, я буду ждать тебя на месте, всё равно ведь стрелять тебе запрещено.

Ли Ле же на месте принялся выписывать замысловатые пассы мелкими шажками, совершая частые хаотичные прыжки — да с такой скоростью, что ноги К-1 казались смазанными. Едва начав бой, он сразу выложил козырь, что выдавало серьезное отношение Ли Ле: он все еще опасался того таинственного S-навыка, который Ли Цзя умудрился выдать бог весть какими правдами. Перед этим Ли Ле дотошно изучил данные тела Ли Цзя: судя по накопленному опыту, мышечная ткань не обладала какими-то выдающимися свойствами, но Ли Ле больше доверял собственному чутью — мгновенное сокращение мышц под кожей должно было таить в себе поистине небывалую боевую мощь.

Ли Ле двинулся с места. Вопреки ожиданиям, обошлось без яростного рывка: накопив силы до предела, он понесся вперед по S-образной траектории.

— Черт, Ли Ле, да ты читер!

У Ли Цзя едва челюсть не отвалилась: на его глазах Ли Ле раздвоился на два меха К-1. Это же не два против одного!

услышав столь безграмотное восклицание, мысленно выругался на сопляка-лягушку на дне колодца:

— Деревенщина, не позорься! Это остаточное изображение от движения на шагах, причем скорость продвижения не должна быть слишком высокой, так что сил отнимает порядочно. Ли Цзя, просто отступай назад.

Как всегда, подсказка Ницше позволила просто разрешить проблему.

В точности как и предсказывал Ницше, когда мех долетел до него, он вновь оказался в единственном экземпляре, а второй лишь оставил после себя тающие очертания.

— Эй, выдохся? Получай-ка настил!

Клинок вошел точно в голову...

<http://bllate.org/book/22025/2289729>